

**НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНОГО
ПОДХОДА: НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ
75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН А.В. БРУШЛИНСКОГО
(МОСКВА, 15–16 ОКТЯБРЯ 2008 Г.)**

.....

А.Н. Кимберг¹

В октябре 2008 г. в Институте психологии РАН состоялась Всероссийская научная конференция «Личность и бытие: субъектный подход». Для нас она особо важна тем, что впервые Кубанский государственный университет выступал со-организатором столь крупного научного мероприятия на главной академической научной площадке страны. Руководил подготовкой конференции в Институте психологии известный российский психолог, ученик и последователь А.В. Брушлинского, автор нескольких хорошо известных нам монографий, доктор психологических наук Виктор Владимирович Знаков. С психологами Кубанского государственного университета Виктора Владимировича Знакова связывают давние дружеские отношения и опыт плодотворного научного сотрудничества. Конференция 2008 г. подводит своего рода итог серии научных конференций под общим названием «Личность и бытие: субъектный подход», которые Кубанский государственный университет совместно с Институтом психологии РАН проводил в 2002, 2003 и 2005 гг.

В конференции, посвященной юбилею Андрея Владимировича Брушлинского, видного ученого и мыслителя, в течение многих лет руководившего Институтом психологии РАН, приняли участие более двухсот человек. Среди них была и представительная команда психологов нашего университета. Подводя итоги состоявшейся встречи, мы можем говорить сегодня о том, что во многом сложилось научное поле, в котором различные исследова-

---

¹ Кимберг Александр Николаевич – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: akimberg@gmail.com

тели ставят проблемы, относящиеся к таким конструктам, как субъект, субъектность, со-бытие, человеческое бытие. Это поле и осуществляемые в нем поиски эффективного теоретического инструмента для описания и объяснения настоятельных и часто неожиданных проблем современного мира уже доступны рефлексивному анализу.

Я опушу в своем обзоре детальный рассказ о самой конференции с ее разнообразными дискуссиями, встречами в коридорах Института психологии и гостиницы, о безусловно удавшемся фуршете и обращусь к темам ведущих сообщений и текстам тезисов участников конференции.

Но вначале о некоторых количественных характеристиках складывающегося научного поля. Привлекательность конференции, которая в рассылках оргкомитета называлась кратко «Брушлинский-2008», а именно: статус главного организатора – Института психологии РАН, грантовое финансирование публикаций, широкое и оперативное информирование обо всех этапах подготовки позволяет мне обоснованно считать, что в толстом голубом томе материалов конференции мы найдем всех (или почти всех) активных психологов, кто хотел бы, чтобы их работа была видна коллегам, работающим в этом поле, и, естественно, сам претендует на работу в нем. Так вот, итоговый сборник материалов конференции объединяет тексты докладов 208 авторов, идентифицировавших себя как исследователей, по научным интересам близких проблеме бытия субъекта в современном мире и желающих вести научное общение в складывающемся сообществе.

Мы можем наблюдать также те психологические центры и коллективы, которые включены в создание и развитие идеологии концептов субъекта и субъектности. Это, прежде всего, Институт психологии РАН, представленный 37 авторами, причем 12 из них выполняли исследование, о котором сообщали, в рамках грантов РФНФ и других научных фондов. Затем идет второй со-организатор конференции – Кубанский государственный университет и ассоциированные с ним исследователи, представленный 22 учеными, из которых только двое (и для нас это должно быть поводом для размышлений) опирались на институционализированную поддержку своих научных исследований.

Далее в числе ведущих научных коллективов этой области идут, естественно, Психологический институт Российской академии образования (12 участников, четыре гранта), Московский государственный университет (11 участников, один грант), Ярославль (главным образом государственный университет, но не только – 10 участников, четыре гранта), Казанский государственный университет (9 участников, один грант), Самара (государственный университет и не только – 9 участников, один грант), Санкт-Петербург (8 участников), Саранск (7 участников), Кострома, Смоленск, Курск, Ростов и Таганрог (Южный федеральный университет), которые прислали на конференцию по 4–5 авторов. Приятной новостью оказалось активное участие в исследовании

проблемы коллег из Таганрога, где на трех участников пришлось два поддерживаемых грантами исследования.

В проблематику субъекта включены также и ученые Армавира, Братска, Волгограда, Воронежа, Ижевска, Иркутска, Кургана, Магнитогорска, Набережных Челнов, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Обнинска, Омск, Перми, Пятигорска, Тулы, Ульяновска, Уссурийска, Челябинска и Шадринска.

Разумеется, количественный обзор такого рода не может дать прямого представления о научных вкладах, но он отчетливо показывает те точки, в которых складываются коллективы исследователей, использующих методологию субъектно-бытийного подхода.

Теперь об уровне участников: в конференции участвовали ведущие исследователи в поле субъектно-бытийного подхода, психологии саморегуляции, экономической и социальной психологии. Поскольку в новом научном поле статусы и ранги еще устойчиво не распределились и движение продолжается, то следует рассказать о коллегах, которые выступали на пленарных заседаниях и руководили секциями. О некоторых личных пристрастиях и оценках я постараюсь рассказать позже, возможно, в тексте, который будет иметь более авторский характер.

Итак, пленарные заседания: прозвучало приветственное слово директора ИП РАН доктора психологических наук, члена-корреспондента Российской академии наук А.Л. Журавлева, затем воспоминания об Андрее Владимировиче Брушлинском его друга, известного отечественного философа В.А. Лекторского.

После этого начались собственно содержательные доклады основных носителей субъектно-бытийного дискурса и значимых в научном сообществе экспертов. Прозвучали доклады В.В. Знакова (ИП РАН) «Психология субъекта А.В. Брушлинского, герменевтика субъекта М. Фуко и психология человеческого бытия», З.И. Рябикиной (КубГУ) «Теоретические перспективы интерпретации личности с позиций психологии субъекта А.В. Брушлинского», Д.А. Леонтьева (МГУ) «К проблеме субъекта и субъектности в психологии», И.Б. Дермановой (СПбГУ) «Парадигма субъекта: структурно-функциональный подход», В.И. Моросановой (ПИ РАО) «Развитие осознанной саморегуляции как основа и критерий становления человека как субъекта», Е.А. Сергиенко (ИП РАН) «Развитие идей психологии субъекта А.В. Брушлинского: системно-субъектный подход».

Во второй день работы конференции на вечернем пленарном заседании выступили с докладами А.Н. Ждан (МГУ) «Преемственность в развитии идей: проблема субъекта в творчестве А.В. Брушлинского и Г.Г. Шпета», В.Т. Кудрявцев (РГГУ, Москва) «А.В. Брушлинский и В.В. Давыдов: мировоззренческая общность», гостя из дружественной Болгарии М.Д. Няголова (Велико

Търново) «Проблема свободы субъекта в творчестве А.В. Брушлинского», В.В. Селиванов (Смоленский ГУ) «Онтогенез субъекта», Н.Е. Харламенкова (ИП РАН) «Парадоксы развития субъекта», М.И. Воловикова, М.Ю. Колпакова (ИП РАН) «История разработки А.В. Брушлинским микросемантического анализа и современные перспективы применения», Д.Б. Богдавленская (ИП РАН) «А.В. Брушлинский: следуя традиции школы» и В.А. Кольцовая (ИП РАН) «Рыцарь психологии (к юбилею А.В. Брушлинского)».

Всего на конференции работало пять секций:

- «Личность в отношениях со-бытия с другими людьми»;
- «Субъектные и личностные характеристики саморегуляции человека»;
- «Индивидуальный и групповой субъект в современных социальных условиях»;
- «Субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни»;
- «Психология субъекта и психология человеческого бытия».

Работой секций руководили ведущие исследователи в заявленных направлениях. С удовольствием могу отметить, что наши коллеги как организаторы мероприятия активно работали во многих секциях. Итак, вот руководители секций: Г. Б. Горская (КГУФК, Краснодар), А.Н. Дёмин (КубГУ), Л.Н. Ожигова (КубГУ), З. И. Рябкина (КубГУ), Г.Ю. Фоменко (КубГУ), А.А. Журавлев (ИП РАН), В. В. Знаков (ИП РАН), В.И. Моросанова (ПИ РАО), Е. А. Сергиенко (ИП РАН), Н. Е. Харламенкова (ИП РАН), В. А. Лабунская (ЮФУ, Ростов-на-Дону), А.О. Прохоров (Казанский ГУ), Н. В. Гришина (СПбГУ), Т. Л. Крюкова (Костромской ГУ), А. С. Чернышев (Курский ГУ).

Теперь некоторая рефлексия по поводу состояния нашего научного поля. Несмотря на явный интерес участников к совместной работе, общее видение содержания базовых конструктов и приемлемых методологических ходов скорее складывается, чем присутствует. Поле продолжает формироваться, и предложения по поводу того, как должен быть оформлен доминирующий в нем дискурс, продолжают озвучиваться. При этом ведущие теоретики нового научного пространства ведут себя очень аккуратно, хорошо понимая все множество еще не решенных вопросов и нащупывая возможные точки соприкосновения, полевые же исследователи часто полагают, что все вопросы уже решены, и активно применяют различные измерения субъектности или списки составляющих ее качеств. Попытаюсь выделить те точки, вокруг которых завязываются явные или неявные дискуссии.

Первая из них – это перманентная дискуссия о главенствующем теоретическом понятии: «что во что входит». Основными действующими конструктами здесь выступают субъект и личность. Позиция А.В. Брушлинского по поводу самодостаточности понятия «субъект» хорошо известна, ее разделяют ряд психологов, вместе с тем возможность корректно оперировать конструк-

том субъекта требует отчетливой договоренности внутри сообщества об его отношении к конструкту личности. Основной упрек звучит так: философское понятие субъекта некритично перенесено в психологию, нельзя использовать конструкт субъекта так же расширительно, как личность, он всегда привязан к чему-либо: «...статус субъекта (или несубъекта) не может характеризовать действующего индивида вообще, вне конкретного взаимодействия с миром. Только применительно к конкретной ситуации деятельности, взаимодействия, познания, отношения, бытия-в-мире и можно говорить о том, выступает ли в данном случае индивид как полноценный субъект этого отношения или нет» (Д.А. Леонтьев [1, с. 71]).

И для сравнения тут же: «Личность – это стержневая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. <...> Личность задает направление движения, а субъект его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека» (Е.А. Сергиенко [1, с. 57]).

И еще один способ уложить наиболее компактным образом оба эти понятия, который предлагает З.И. Рябикина: «Становление личности есть следствие субъектной позиции, которую человек занимает по отношению к миру и к самому себе. <...> Субъектность может быть доличностной, личностной, внеличностной, а личность в различных пространствах своего бытия в разной степени способна реализовывать субъектную позицию» [1, с. 51]. «Именно активность субъекта придает целостность, неразрывность всем разнообразным качествам человека» [1, с. 52].

Следующая точка для дискуссии относится к тому, является ли человек субъектом многих видов активности, т.е. множественным субъектом, либо субъект всегда один, а если так, то как обеспечивается его единство (по умолчанию участники этой дискуссии полагают, что такое единство необходимо). Цитирую Ю.К. Стрелкова: «Множественность ролей и сценариев, которые, прерываясь, продолжают, указывает на множество и разнообразие норм и даже ритмов, временных режимов поведения человека в различных ситуациях, представляет собой полезную модель социального поведения человека. Но следует ли при этом отказываться от деятельностного подхода? Может быть, следует признать ограниченность объяснительной силы понятия “субъект” и искать переходы между понятиями “личность” и “субъект”, “человек и субъект”, “человек и личность” и т.д.?» [1, с. 192].

Переход, или «транзит», между деятельностью, процессами, субъективными мирами акцентирует, вводя конструкт единого субъекта, и М.Ш. Магомед-Эминов, задавая нам образ транзитного субъекта, перемещающегося по мирам собственного существования «между одним бытием и другим бытием, между индивидуацией и приобщением, между одной культурой и другой культурой» [1, с. 271].

Понятно, что овладение ведущим дискурсом не только мило сердцу его автора, но и предоставляет ему разнообразные дивиденды, что, безусловно, оживляет академическую жизнь. Позволю здесь сослаться на собственное выступление, в котором также обсуждалась проблема сочетания различных подходов и формулировалась идея прагматического компромисса: признания, что для решения различных задач уместны различные теоретические конструкции и не стоит, во всяком случае, на начальном этапе развития научного поля пытаться создавать моноконструкции на базе любимого базового понятия (на самом деле, это выполнимо, но бесполезно для становящегося сообщества). Важно только отчетливо формулировать исходные посылки и характер задач, для решения которых предлагается данный конструкт (А.Н. Кимберг [1, с. 38–40]).

Довольно сильная исследовательская линия связана с попыткой обработать проблематику субъекта и субъектности в теоретической модели саморегуляции: «...именно понятие саморегуляции выводит представления о субъекте из философского и методологического поля в психологическое» (В.И. Моросанова [1, с. 417]). Субъект в этом подходе – это «индивид как индивидуально своеобразная система самоорганизации, регуляции поведения и саморегуляции личности...» (В.И. Моросанова [1, с. 418]), «высшим уровнем саморегуляции является уровень субъектной саморегуляции...» (Л.Г. Дикая [1, с. 423]).

Еще в одном направлении, представленном на конференции А.В. Карповым и его учениками, метакогнитивные процессы рассматриваются как основа феномена субъекта: «...базовым качеством субъекта фактически и выступает метапознавательная активность, которая лежит в основе саморегуляции, сознательной компенсации ограничений, определения пути и перспектив когнитивного и личностного развития» [1, с. 66]. В трактовке автора метакогнитивные процессы становятся таким качеством, которое в какой-то момент делается тождественным сущности. Как иначе можно понять такое определение свойства рефлексивности: «...именно рефлексивность является свойством, позволяющим психике дифференцировать, выделить и зафиксировать в самой себе те или иные стороны своей качественной определенности, репрезентировать их затем как свои собственные свойства. В этом проявляется генеративно-порождающий потенциал рефлексивности: она раскрывается как такое качество субъекта, суть которого состоит в его способности к экспликации, выявлению, “распознаванию”, а в известной степени – и к формированию своих новых качеств; к их осознанию и репрезентации как своих и образующих “самость” психики, т.е. фактически, субъектность как таковую» [1, с. 69].

Тема рефлексивности как ведущей способности субъекта примыкает к одной из наиболее разработанных в данном направлении областей – психологии понимания (в ином прочтении – герменевтике субъекта). «Познавая себя, субъект познает мир, а любое познание основано на самопонимании, – пишет

В.В. Знаков. – Познание и понимание, основанные на ценностных суждениях, невозможны без изменения субъекта: преобразование себя открывает ему другой взгляд на мир, в котором значимы иные, чем ранее, ценности» [1, с. 36]. Различные аспекты исследования самопонимания субъекта, выполненные в этой методологии, представлены также в сообщениях Е.А. Аверкиной, В.Г. Аникиной, А.О. Руслиной, Д.И. Степанова, О.В. Стольниковой.

Отдельная тема, уже имеющая достаточную историю, – это исследование сущности и структуры коллективного или группового субъекта. Основы концепции коллективного субъекта были сформулированы в свое время А.Л. Журавлевым и теперь успешно конкретизируются на различном эмпирическом материале: от предпринимателей до больших социальных групп (в частности, в сообщениях В.П. Познякова, А.Б. Купрейченко и А.С. Моисеева, А.В. Микляевой, А.С. Чернышева, С.Ю. Флоровского).

Теперь подробнее о темах докладов моих коллег, представляющих психологическое сообщество Кубанского государственного университета. Все исследования, естественно, выполнены в рамках субъектно-бытийного подхода. Применения или приложения субъектно-бытийного подхода многообразны. Собственно, достаточно работать с регулятивными механизмами, действующими в масштабах целостного человека (так называемый субъектный уровень саморегуляции), и наблюдать особенности их функционирования в различных ситуациях, чтобы исследование можно было бы классифицировать как основанное на принципах субъектно-бытийного подхода.

Итак, обзор вклада нашей делегации (если я пропустил что-то важное или прибавил что-то лишнее – заранее приношу извинения).

С.Ю. Флоровский (КубГУ) добавляет в проблемную область коллективного или группового субъекта теоретически проработанные и эмпирически исследованные модели такого механизма его функционирования, как совместная управленческая деятельность. Модель СОУД наполняет реальным содержанием все три необходимых признака коллективного субъекта: взаимозависимость, координированную активность, рефлексивность [1, с. 403–406].

Г.Ю. Фоменко (КубГУ) описывает феномен «обрыва личностной перспективы» у действующих сотрудников внутренних дел и квалифицирует его как разрушительный для личности: «... “жизнь без будущего” – это не оптимальный приспособительный маневр... При видимой разумности подобной позиции она является ущербной для самой личности, для продуктивности периода ее служебной деятельности и организации жизни личности в целом» [1, с. 219]. Хотелось бы заметить, что отчуждение сущностных сил личности является психологическим феноменом лишь отчасти: душевные и физические силы, время жизни, а вполне вероятно, здоровье и даже жизнь сотрудника силовых структур присвоены институтами государства, что уже далеко не психологическая реальность.

Соотношение психологических и непсихологических факторов в бытии субъекта обсуждается в теоретически насыщенной статье А.Н. Дёмина (КубГУ). Автор, вводя представление о «границе преобразовательной активности субъекта», предлагает сильный методологический ход: «Посредством границ своей активности субъект присутствует в непсихологическом и одновременно допускает его в себя, осмысливая, переживая, определенным образом его присваивая. Это важный методологический момент, поскольку он обосновывает возможность анализа непсихологической реальности психологическими средствами» [1, с. 365]. На легитимированное таким образом пространство исследователь может «проецировать для последующего анализа контекстуальные переменные (организационно-экономические характеристики предприятия, параметры местного рынка труда), индивидуально-психологические и социально-психологические переменные (способы объяснения успехов и неудач, преданность организации, структура личной социальной сети и др.), а также изменения в поведении, социальном статусе и других характеристиках человека» [1, с. 366]. Предлагаемая методология – хороший предмет для дискуссии, возможно, и на страницах нашего журнала.

Е.В. Улько (КубГУ) обсуждает проблему интерпретации субъектом жизненных ситуаций. На конкретном эмпирическом материале выделены параметры, которыми реально различаются люди: «мера склонности к определению ситуации как неоднозначной и непонятной; готовность к формулировке различных вариантов интерпретации; характер предположительных действий, направленных на устранение неопределенности»; предложена эвристичная типология субъектов, встречающихся со сложными жизненными ситуациями [1, с. 306–307].

Г.Б. Горская (КГУФК) с сотрудниками представила сообщение об эмпирическом исследовании связи становления субъектности студентов вуза с моделью самодетерминации Е. Деси и Р. Райана. В результате исследования сделан вывод о том, что показатели мотивации самодетерминации могут использоваться как «мотивационный предиктор субъектности студентов в сфере учебной деятельности» [1, с. 454–457].

А.А. Лузаков (КубГУ) в своем докладе раскрывает ряд положений когнитивно-мотивационной концепции субъективной категоризации. Конструируемый субъектом образ другого человека или самого себя предстает одновременно и результатом когнитивных процессов, и порождением ценностно-смысловой сферы личности, ее представлений о должном и значимом. Такое единство когнитивных и ценностных процессов обеспечивает регуляцию поведения на субъектном уровне. В сообщении представлен также ряд эмпирически установленных типов организации семантических пространств у субъектов познания [1, с. 375–378].

С.Д. Некрасов (КубГУ) акцентирует внимание на видах учебной субъектности младшего школьника: «...учебная субъектность, приобретаемая ребенком под влиянием социальных условий, зависит от осознания им процесса и результатов решенных учебных задач» [1, с. 150]. В этой формулировке условия субъектности (психологические и непсихологические параметры в одном поле) я нахожу подтверждение необходимости дискуссии по проблеме методологии, о которой упоминал ранее.

Л.Н. Ожигова (КубГУ) продолжает развивать теоретическую модель гендера и гендерной идентичности, позиционируя их в пространстве смыслов личности «как субъекта своего бытия». Гендерная идентичность, по мнению автора, включает в себя «биологический пол, который приписывает себе человек; особенности маскулинности и феминности, которые также определены личностью в соответствии с нормами ее культуры; гендерные характеристики, через которые личность конструирует свой Образ Я как женщина, как мужчина или как некоторая другая нонконформистская личность» [1, с. 274]. Разделяя конструкционистский подход автора, позволю себе выразить только робкое сомнение в необходимости «приписывать себе» биологический пол: иногда все же можно и просто посмотреть...

С.А. Сухих (КубГУ) представил убедительное обоснование того, что лингвопсихологическое измерение может быть чрезвычайно продуктивно в исследованиях субъекта и субъектности. «В дискурсе как “отпечатке” личности находят отражение многие составляющие психики, которые также могут представлять своеобразную градуацию осознания содержания бессознательной сферы» [1, с. 578]. Действительно, текст является пока основным средством символического опредмечивания субъективной (и субъектной!) реальности личности.

Ю.Б. Шлыкова (КубГУ) продолжает эту тему на материале исследования биографии. Исходя из результатов эмпирического исследования, она выделяет практические критерии оценки и интерпретации автобиографических текстов, эвристичные при решении задач диагностики личности [1, с. 504–507].

Е.В. Харитоновна (КубГУ) обсуждает конструкт востребованности, возникающий в процессе со-бытия личности с Другими. Востребованность понимается автором как «многомерная, многоуровневая и динамическая система субъективных отношений личности к себе как к Значимому для других» [1, с. 587–589]. Представляется, что это удачная операционализация одного из аспектов со-бытия – конструкта, ставшего распространенным, но пока не вышедшим из статуса метафоры.

Т.К. Хозяинова (КубГУ) представляет результаты исследования связи самоактуализации матери с ее отношением к детям. Автор подтверждает, что «самоактуализация матери является существенным фактором ее отношения

к детям, а отношение матери к ребенку является областью ее самоактуализации»[1, с. 592].

В сообщениях М.В. Верстовой, Е.Н. Диденко, И.Л. Наприева, Я.В. Розевика, М.В. Тютюнник излагаются результаты их эмпирических исследований (как правило, кандидатских диссертаций), выполненных в русле субъектно-бытийного подхода.

В завершение этого субъективного отчета о прошедшей в 2008 г. конференции «Личность и бытие: субъектный подход» хочу поблагодарить моих коллег З.И. Рябикину и А.Н. Демина, которые мягко, но настойчиво добились того, что я прочел все 603 страницы материалов конференции, включая список авторов.

Выражаю огромную признательность и понимание Виктору Владимировичу Знакову за огромный труд по организации и проведению этой действительно рубежной для становления сообщества конференции, а также за редактирование и подготовку сборника ее материалов (в полной мере я оценил этот труд только сейчас).

Следующая конференция «Личность и бытие: субъектный подход» состоится у нас – в Кубанском государственном университете в 2010 г. Зинаида Ивановна Рябикина уже пригласила всех участников конференции с высокой трибуны заключительного заседания.

Несколько слов о содержании: стремление овладеть бытием, используя для этого психологические средства, становится ведущей методологической идеей Кубанской психологической школы, и тут я оказываюсь в сложном положении. С одной стороны, я тоже хочу овладеть чем-нибудь или кем-нибудь или хотя бы что-то присвоить и в этом полностью солидарен со школой, с другой стороны, в моем словаре со времен иного общественного строя и методологии марксизма остался термин «психологизм», означающий использование психологических объяснительных конструкций там, где действуют иные силы и иные интересы.

Для справки: большая часть обсуждавшихся выше философских и методологических вопросов была проговорена двумя немцами в тезисах по поводу критики третьего немца в 1845 г. [2].

Библиографический список

1. Личность и бытие: субъектный подход: матер. науч. конф., посвящённой 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 2008.
2. Маркс К., Энгельс Э. Тезисы о Фейербахе // Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3.